

Н. А. Томилов

**К ПРОБЛЕМАМ МЕТОДОЛОГИИ
НЕКОТОРЫХ ЧАСТНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ И СМЕЖНЫХ С НИМИ НАУК***

В связи с подготовкой ряда курсов по учебным дисциплинам на историческом факультете Омского государственного университета, а также проведением научных исследований на протяжении последних лет мне и моим коллегам приходилось заниматься проблемами методолого-теоретического характера в ряде областей гуманитарной сферы наук. Это относится к разработкам в конце 1970-х – начале 1980-х годов проблемы этнической истории, выявлению объекта, предмета, задач в этом направлении, которое сложилось на стыке этнографии и истории. Это относится и к этноархеологии – научному направлению, которое постепенно формируется в нашей стране в отдельную самостоятельную науку. И здесь также пришлось заняться выявлением объекта, предмета, проблем и задач этого научного направления. В последние годы наше внимание было обращено и на выделившееся уже достаточно давно направление на стыке экологии и этнологии – этническую этнологию.

На протяжении более чем двух десятков лет нам пришлось заниматься проблемами музееведения, в том числе этнографического музееведения. Мы готовим и издаем многотомную научную серию “Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев”. За эти годы написаны очерки истории о четырех музеях Сибири, и одновременно в связи с проблемами, казалось бы методической работы, а именно научной паспортизации и научной каталогизации, которые омская группа музееведов осуществляла в музеях Новосибирска, Омска и Тюмени, нами было обращено внимание на состояние музеелогии, по-другому, музееведения, сначала в СССР, затем в России и, соответственно, обратиться также к проблемам объектно-предметной сферы этой науки. Отсюда накопился определенный опыт науковедческого порядка, который и позволил заняться классификацией наук в современном мире, ролью и местом гуманитарных наук в системе всех наук и предметно-объектным сферам отдельных наук и научных направлений¹. Собственно говоря, это и является целью данной работы.

Наука в широком ее понимании является частью культуры. Для нас, омских этнографов, более приемлемо следующее определение культуры: Культура – это ценности, созданные человечеством, и способы жизнедеятельности людей. В этом понимании культура имеет место всюду, где есть действие и мышление человека, где присутствуют отношения между людьми и человека с природой. Фактически выделяют различные сферы культуры, которые связаны с разными видами деятельности людей, – экономическая, производственная и социальная сферы культуры и т.д. Но это очень широкое определение культуры, есть более узкое понимание культуры, когда в нее включают науку, образование, просвещение, искусство, религию, культурно-досуговую деятельность, нормы поведения, созданные людьми материальные явления и предметы и т.д. Есть, правда, еще и управленческий подход к культуре – в этом случае в культуру включают обычно искусство, просвещение, культурно-досуговую деятельность и образование в сфере культуры.

Итак, наука – это все-таки часть культуры. Существует более 150 определений науки, например, определение знаменитого А. Эйнштейна: “Наука – это попытка привести хаотическое многообразие нашего чувственного опыта в соответствие с некоторой единой системой мышления”. В современном понимании она часто определяется следующим образом: наука – это система знаний о закономерностях и осо-

* Статья подготовлена на основе программной лекции, с которой автор выступил на пленарном заседании V Конгресса этнологов и антропологов России.

бенностях в развитии природы, общества и мышления, а также отдельные отрасли таких знаний.

Все науки подразделяются по признакам: кто и что изучается, каким способом и с какой целью изучается та или иная область человеческого бытия. Существует ряд классификаций наук. По этим признакам выделяют естественные, общественные и технические науки. Есть четырехсферные деления науки, например, на естественные, общественные, технические и инженерные. Но нам наиболее верной представляется классификация наук, в которой выделяются технические, естественные и гуманитарные науки. В гуманитарных науках можно выделить обществоведческие и антропологические науки.

В науке всегда проходили и проходят сейчас бурные процессы дифференциации и интеграции наук и научных направлений. Нет застывшего состояния науки. Выделяют семейство дисциплин, например, биологию, а в это семейство биологических наук входят анатомия, физиология, генетика, этология и т.д. Наблюдаются процессы так называемого “скрещивания” наук, по-другому, интеграции наук. В результате такой интеграции появляются новые науки или научные направления, к примеру, геохимия, биофизика, социолингвистика, медицинская демография, этноархеология и т.д.

Если говорить о семействах, то следует вести речь об основных и частных науках. Например, история – основополагающая наука для образования целого семейства исторических наук. Частными науками истории являются историография, источниковедение, археология, этнография (этнология), этническая антропология, историософия (наука о наиболее общих законах развития исторического знания), этноархеология и т.д.

Теперь о культурологии, даже о культурологических науках и об искусствоведческих науках, вернее, о связях между ними. Если искусство входит в целом в культуру, казалось бы, и искусствоведческие науки должны были бы войти в круг культурологических наук. На самом деле этого не произошло. Как наука культурология (прежде всего это методология, теория, историография и другие культуры и ее множественности) выделилась довольно поздно из круга философских и исторических наук – лишь во второй половине XX в. А искусствоведение (искусствоведение) как наука оформилось в XIX в., и объектом его изучения стало искусство – художественная культура в целом. И совершенно четко в искусствоведении и культурологии обозначились разные научные сферы и направления.

Поскольку это смежные науки, то сопряженность их в ряде сфер знаний значительна – прежде всего в области духовной культуры, социальной роли художественной культуры, в методолого-теоретической сфере и т.д. Отсюда и значимость совместных научных конференций и семинаров искусствоведов и культурологов. В Омске в этом плане значительна роль Омских искусствоведческих чтений и ряда отдельных научных форумов, таких как междисциплинарный научно-практический семинар “Сибирский пейзаж: пространство мифов”, научно-практические конференции “Учителя и ученики. Связь поколений”, “Сибирский сад – территория мечты” и др.

Существенно и то обстоятельство, что наряду с музеями, общественными творческими организациями, вузами в такого рода форумах в качестве одного из основных организаторов принимает участие Сибирский филиал Российского института культурологии. Недавно он стал издавать новый российский журнал “Культурологические исследования в Сибири”, участвовать в котором приглашает не только культурологов, но и ученых других гуманитарных наук по общим сопряженным сферам знаний и научным темам.

Теперь перейдем к объектно-предметной сфере отдельных гуманитарных наук. Говоря об объекте с точки зрения философии, мы понимаем, что это особая категория, которая выражает то, что противостоит субъекту в его познавательной деятельности, т. е., говоря об объекте, мы ставим вопрос: кого изучает эта отрасль науки? Говоря о предмете науки, мы пользуемся другой философской категорией, которая выражает свойства, отношения, процессы, происходящие в объекте, его связи и т.д. Говоря о предмете, мы ставим вопрос, что мы изучаем в объекте?

Определение отдельной науки зависит от того, насколько верно для данного состояния человеческого общества будут определены объект и предмет той или иной науки. Если вести речь об этнографии, можно вспомнить определение, которое давали ей Ю.В. Бромлей и С.А. Токарев в 1988 г.: “Этнография – наука о народах мира (этносах), их характерных (этнических) чертах”². Другое определение, которое мы встречаем в “Советском энциклопедическом словаре”: “Этнография..., этнология, народоведение, наука, изучающая бытовые и культурные особенности народов мира, проблемы происхождения (этногенез), расселения (этногеография) и культурно-исторических взаимоотношений народов”³.

В этих определениях много места уделяется конкретной проблематике этнографии, или, как чаще сегодня говорят, этнологии. Если исходить из объектно-предметной сферы, то определение этнографии (этнологии) может звучать и следующим образом: это – наука об историко-культурных (этнических и этнографических) общностях, этнических свойствах, связях, отношениях и процессах у этих общностей.

В составе субдисциплин и направлений этнографии (этнологии) выделяются следующие: этническая история, историческая этнография, палеоэтнография, культурная антропология, социальная антропология, этническая антропология, юридическая антропология, этногеография, этнодемография, экономическая этнография, аграрная этнография, этноархеология, этническая экология, этносоциология, этноботаника, этнозоология, этнолингвистика, этноискусствознание, этнохореология, этномузыкалогия, этнографическое религиоведение, этнопсихология, этнопедagogика, этнографическое музееведение, этническая генеалогия и др.

В разработке проблем этнической истории, ее объектно-предметной сферы и определения мы пришли в свое время к следующим выводам. Объект этнической истории оказывается довольно объемным и многосторонним – это история всех видов формирующихся, развивающихся, распадающихся или трансформирующихся историко-культурных (этнографических и этнических) общностей. Сюда прежде всего относится история этнических общностей на уровне основных этнических подразделений – этносов. Предметную область этнической истории, соответственно, составляют процессы становления (формирования), развития и распада (или трансформации) историко-культурных общностей, а другими словами – этнические и этносоциальные процессы всех видов и уровней. Этническая история изучает динамику систем историко-культурных общностей, т.е. формирование компонентов этих систем и их этнических свойств, изменения в компонентах, в первую очередь в этнических свойствах этих компонентов, в их функционировании. Эта динамика историко-культурных общностей исследуется во взаимодействии их друг с другом во всей исторической конкретности, во взаимосвязи с социально-экономической и политической историей. При этом важно изучить не только сложение и развитие историко-культурных общностей, но и их трансформацию, выявить ее причину, ход, закономерности и конкретные исторические особенности.

В связи с этим определение этнической истории как бы закрывает тот спор, который велся учеными в 1970–1980-е годы. В тот период была попытка рассматривать этногенез (формирование) этносов как отдельный от этнической истории процесс. Но в данном понимании объекта и предмета этнической истории этногенез все же входит в этническую историю, являясь ее первой фазой. В связи с этим наиболее приемлемым нам представляется понимание этнической истории как отрасли знаний, охватывающей прежде всего изучение этнических и этносоциальных процессов и на стадии формирования этнических и этнографических общностей, и на стадии их этнического развития вплоть до их трансформации, если речь идет об исчезнувших этносах.

Существенные наработки получены омскими учеными (прежде всего С.Н. Корусенко, Н.В. Кулешовой, М.Л. Бережновой, Н.А. Томиловым и др.) в области этнической генеалогии. Объектная сфера конкретных исследований была расширена за счет включения в изучение населения полиэтнических и с многокомпонентным в этническом отношении населением сельских поселений. Здесь пришлось столкнуться с тем, что методика, используемая для этногенеалогических исследований изолированных этнических общностей, может быть применена лишь частично. Поэтому бы-

ли выработаны специальные методы сбора и обработки генеалогий, основанные на достижениях московских коллег и адаптированные к данной полиэтнической ситуации. В объект этногенеалогических исследований вошло и население, структура которого изучается по архивным материалам (прежде всего переписям населения) и по соединению (сопряжению) этих материалов с современными родословными. Благодаря этому проблематика генеалогических исследований в этнологии существенно расширилась, стала во многом самостоятельной. Поэтому, наверное, можно говорить о формировании и развитии в отечественной науке этнической генеалогии как субдисциплины этнологии. Но пока в этой области знаний в России работает очень узкий круг ученых.

Теперь об этноархеологии. В 1960–1970-е годы в англо-американской археологии этноархеология стала развиваться как направление, связанное прежде всего с методикой современной археологии.

В отечественной науке первое определение этноархеологии принадлежит В.А. Шнирельману, который в 1988 г. понимал под ней направление исследования, появившееся на стыке археологии и этнографии и широко распространившееся в 1960–1970-е годы. Объектом исследования этноархеологии, по его мнению, служит материальная культура современных народов, а предметом – специфика отражения в ней особенностей поведения людей и их социальных взаимоотношений⁴. В этом определении видна уже разница с тем пониманием этноархеологии, которое сложилось в англо-американской науке.

Наше определение этноархеологии следующее: этноархеология – научное направление (или даже формирующаяся отдельная наука), возникшее и развивающееся в результате интеграции археологии и этнографии в XX в., призванное решать круг проблем по генезису и динамике общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения. И более краткая дефиниция этого направления: этноархеология – отрасль научного знания о культуре и обществе, интегрирующая археологическое и этнографическое познания.

При формулировании определения этноархеологии мы исходили из следующего понимания объекта и предмета этого научного направления. Объект этноархеологии составляют социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми и реконструируемыми путем интеграции археологического и этнографического познаний. Предмет этноархеологии в общем виде составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать и реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами. Что касается более кратких сущностных определений, то они также должны быть получены. Однако это наиболее трудное дело. Пока относительно предмета этноархеологии мы можем предложить такой более краткий вариант определения: это свойства социокультурных систем и процессов отражать в системе сопряжения археолого-этнографических познаний историческую действительность.

Группе омских ученых (археологов, этнографов, этноархеологов) постоянно приходится заниматься изучением тех социокультурных явлений в основном прошлого, но и настоящего, которые отчасти входят в сферу этноэкологических научных познаний. Это связано с исследованием нами ряда научных проблем: интегрированных хозяйственно-культурных типов, археологических микрорайонов, социокультурных этнографо-археологических комплексов, систем природопользования, палеодемографического, палеосоциального и палеоэкономического моделирования комплекса хозяйства и культуры народов и национальных групп Западной и Южной Сибири и др. При проведении этих исследований не мог не проявиться определенный интерес к методолого-теоретическим проблемам, которые находятся на стыке этнографии с другими науками, в том числе с экологией человека.

Наиболее полное определение этнической экологии и его интерпретацию дал В.И. Козлов в “Своде этнографических понятий и терминов” в 1988 г.⁵ Для нашего

понимания объектно-предметной области этнической экологии важно выделение в определении В.И. Козлова той значительной, а фактически существенной роли культуры человеческих коллективов в отношениях с природой, да и в создании природной среды.

Объект этнической экологии видится нам во взаимоотношениях этнических и этнографических общностей с природной средой. Отношения всех остальных видов человеческих коллективов с окружающей средой входят, видимо, в сферу социальной экологии как научного направления в составе экологии человека. Здесь мы сталкиваемся с понятием окружающей среды, которое именуется ту часть природы (а отчасти и искусственной культивируемой среды), в которой они занимаются хозяйственной и иной деятельностью. С нашей точки зрения, предпочтительнее в этнической экологии использовать дефиницию “природная среда”, понимая под ней прежде всего геобиосоциальную среду. Отношения людей с природой и отношения людей (и возникших у них человеческих коллективов) друг с другом по поводу природы – это социальные отношения, шире – социокультурные отношения, а значит, и природная среда (в отличие от природы) – это социальное прежде всего явление, базирующееся на природном окружении.

Некоторые наметки выскажем и относительно предмета этнической экологии. Его, на наш взгляд, составляют свойства культуры (том числе и археологических остатков) отражать общие, отдельные и особенные стороны отношений историко-культурных (этнических и этнографических) общностей с природной средой. Приоритетную роль здесь играют такого рода свойства природно-средовой культуры. Но поскольку она сама не только взаимосвязана, а во многом синкретична со всеми остальными сферами культуры (культурой жизнеобеспечения, материальной, духовной и соционормативной культурой), то здесь, видимо, следует вести речь в целом обо всей культуре.

На основе теоретико-методологического исследования локальных культурных комплексов (культурных диалектов) как особых социокультурных феноменов, являющихся формой существования традиционной культуры, А.Г. Селезневым предпринята попытка обоснования выделения особой научной субдисциплины – культурологии традиционных сообществ (в Омске была проведена и конференция под таким названием). Ее объектом он видит функционирование и динамику традиционной культуры, а предметом называет свойства и отношения локальных культурных комплексов, в рамках которых происходит развитие традиционных культур.

Далее об определении музеологии (музееведения). Учеными зарубежных стран музееведение рассматривается по-разному: то называется самостоятельной наукой, то все музейное дело объявляют музееведением, то считают музееведение чуть ли не частью наук исторического профиля. Рассматривают его и как теорию и методику музейной работы, выделяя нередко теоретическое и прикладное музееведение, и как только прикладную науку или как метод и технику музейной работы и т.д. В отечественной науке наиболее значительный вклад в разработку методологических проблем музееведения и в выработку определений музееведения, а также в понимание ее объекта и предмета внес в 1970-е годы крупнейший музеевед России А.М. Разгон. Наше определение сегодня звучит следующим образом: музееведение (музеология) – наука, изучающая музейные предметы, их социальные свойства и отношения, музейные процессы в их исторической динамике. Укажем и на возможность более кратко формулирования определения музееведения: музееведение (музеология) – культурологическая наука о музейных предметах и музейных процессах во всей их конкретности и разнообразии. Выражение “музейные процессы в их исторической динамике”, как нам видится, адекватно заменяет более длинную формулировку, которая была дана нами ранее (“история, деятельность и социальные функции музеев на разных этапах социально-экономического развития общества”), оставляя возможность в историческую динамику музейных процессов включать и взаимосвязанность их не только с социально-экономическими, но и с политическими и культуротворческими процессами.

В 1988 г. нами было предложено следующее понимание предмета музееведческой науки без каких-либо претензий на исчерпывающее решение проблемы: “Предмет

музееведения – это свойства музейных предметов отражать действительность, дающие возможность осваивать наследие предшествующих эпох, настоящее и будущее главным образом через музеи как научно-исследовательские и культурно-просветительные учреждения”. В связи с тем, что сущностные свойства музейных предметов отражать действительность реализуются не только через музеи, но и через собрания коллекций, выставки и т. п., в определение и включено выражение “главным образом через музеи”. Вторая часть данной дефиниции не является определяющей (основной объект в музееведении – музейный предмет) и была введена для того, чтобы подчеркнуть сущностный характер музейных учреждений.

Говоря о музееведении, можно выделить в нем разные направления – историческое музееведение, краеведческое музееведение, этнографическое музееведение и т.д. Если говорить об этнографическом музееведении, то скорее всего здесь следует понимать роль музееведения в этнологии (этнографии), которая способствует решению ряда этнологических проблем. Если же речь вести о музейной этнографии, то прежде всего тут мы должны сказать об этнографии в музеях, о ее состоянии, развитии и перспективах, а также о проблемах изучения этнографии в музеях.

Подобным образом мы можем говорить о двух направлениях, связанных с фольклористикой. Во-первых, это фольклорная этнография, т.е. этнография в фольклоре. Здесь изучаются свойства фольклора давать сведения по этнографии. Во-вторых, это этнографическая фольклористика. В данном случае речь, скорее всего, идет о фольклоре в этнографии. Здесь фольклор отражает как бы этнические свойства. Фольклор, являясь частью культуры, содержит в себе эти этнические свойства. С помощью изучения этнических свойств фольклора можно изучать проблемы истории тех или иных этнических общностей. Но тут мы высказали только общий возможный подход к проблемам и направлениям, которые возникают на стыке или путем интеграции фольклора и этнологии (этнографии).

Все эти проблемы дефиниций и объектно-предметных сфер гуманитарных наук требуют постоянного внимания и дальнейших разработок с учетом меняющихся познавательных потребностей человечества и его отдельных сообществ с учетом тех целей и задач, которые ставились и решались коллективами ученых и отдельными исследователями на мировом, отечественных и региональных уровнях в разные периоды истории той или иной науки. Объектно-предметные сферы, цели и задачи, как правило, определяют проблематику исследований, хотя действует и обратный механизм. Поэтому в разные исторические времена и на разных пространственных уровнях объектно-предметное поле гуманитарных наук может быть разным. Это особенно четко выявляется при занятиях историей той или иной науки, при моделировании ее периодизации. Мы попытались раскрыть это положение о разности проблем наук в отдельные периоды на примере историографии российской этнографии народов Сибири.

Одна из существующих и недостаточно разработанных проблем в отечественной этнологии – это периодизация истории российской этнографии, этнографического сибиреведения и его региональных направлений в отечественной науке, которой мы отчасти уже уделяли внимание ранее⁶. В самом общем виде периодизация истории этнографического сибиреведения, по нашему мнению, включает следующие периоды: 1) донаучный, который охватывает XVII – середину XIX в., – это период накопления этнографических материалов о народах Сибири и Дальнего Востока и их интерпретация в рамках истории, географии, фольклористики и некоторых других наук; 2) период становления этнографического сибиреведения, который приходится на время с середины XIX в. до 1920-х годов, – это период не только становления, но и развития этнографии благодаря появлению и возрастанию числа собственно сибирских этнографов и сибирских научных центров; 3) период “социализации”, если можно так выразиться, этнографического сибиреведения падает на 1920–1950-е годы XX в. – это период возрастания объема научно-практического изучения народов для решения национальных проблем в советском обществе, позволившего функционировать этнографию не только как исторической науке, но и как общественно-

кой научной дисциплине, 4) период современного этнографического сибиреведения; он приходится на вторую половину XX – начало XXI в. начиная с 1960-х годов – это становление и развитие новых научных направлений, в том числе и на стыке наук, в этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, становление новых этнографических научных центров в Азиатской России.

В каждом периоде предложенной общей периодизации выделены внутри его этапы, о чем мы писали ранее.

Работа по периодизации региональных этнографических направлений и научных школ еще продолжается. Но уже сегодня, основываясь на изучении различных источников, музейных, литературных, можно предложить следующую схему истории омской этнографической науки.

Первый период охватывает 1854–1875 гг. Он характеризуется становлением и первыми шагами омской этнографии. Если ее предтечей считают Чингиса Валихановича Валиханова, то подлинным ее основателем мы называем его сына Чокана Валиханова, который самостоятельные научные работы по этнографии стал проводить с 1854 г., совершая многочисленные поездки из Омска к народам Казахстана, Средней и Центральной Азии, Западного Китая. Не забудем и о том, что первый опыт этнографической работы в Омске получил и Г.Н. Потанин.

Второй период охватывает 1876–1920 гг. Начинается он активной научной деятельностью М.В. Певцова, который совершил в 1876 г. путешествие в Китай, и созданного в 1877 г. Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Фактически весь период и связан с этнографическими работами членов этого отдела и возникшего при нем в 1878 г. музея. Отдел организовал целенаправленные экспедиционные поездки, в том числе Г.Н. Катанаева, Д.А. Клеменца, Н.М. Ядринцева, А.М. Никольского, И.Я. Словцова, С.П. и М.В. Швецовых, И.Н. Шухова и др. Он стал издавать “Записки”, а позднее “Известия” отдела и превратился в самый крупный центр этнографической работы в Западной Сибири и Казахстане. Этнографические сборы проводились также в Северо-Западном Китае и в Монголии.

Третий период приходится на 1921–1973 гг. – это время в основном музейной этнографии Омска. Он связан как с научной работой (И.Н. Шухов, С.И. Кочнев и др.), так и с краеведческой деятельностью в сфере этнографии (А.Г. Белякова, Т.И. Мыльникова, А.Ф. Палашенков и др.), осуществлявшейся главным образом в рамках работы государственного Западно-Сибирского краевого музея (так он стал именоваться в 1921 г., отделившись окончательно от Географического общества в 1923 г.), названного в 1934 г. Омским областным краеведческим музеем.

Четвертый период начинается с 1974 г. и продолжается по настоящее время. Его основная черта – резкая интенсификация этнографических исследований, в основном в рамках Омского государственного университета (ОмГУ создан в 1974 г.) и позднее в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (создан в 1991 г.) и Сибирском филиале Российского института культурологии (создан в 1993 г.). Это связано с постепенным, но неуклонным формированием в Омске под прямым влиянием ленинградской, московской и томской этнографической науки целого коллектива этнографов (Ш.К. Ахметова, М.Л. Бережнова, А.Р. Бетхер, В.Б. Богомолов, О.М. Бронникова, М.А. Жигунова, И.В. Захарова, Т.Н. Золотова, Л.М. Кадырова, Д.Г. Коровушкин, М.А. и С.Н. Корусенко, Н.В. Кулешова, Н.А. Левочкина, И.В. Лоткин, А.В. Матвеев, Г.М. Патрушева, С.А. Рублевская, Т.В. Савракина, А.Б. Свитнев, А.Г. и И.А. Селезневы, Б.К. Смагулов, Е.Ю. Смирнова, Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов, Ф.М. Фаткулина, Л.Т. Шаргородский (погиб в экспедиции) и др.), насчитывающего сегодня более 40 человек (плюс к этому пять этноархеологов с археологической базовой подготовкой), с подготовкой кадров этнографов не только для Омска, но для других городов (выходцы из коллектива омских этнографов работают сегодня по специальности в Барнауле, Екатеринбурге (там трудится первый доктор наук из выпускников-этнографов ОмГУ чл.-кор. РАН А.В. Головнев), Краснодаре, Москве, Новосибирске, Санкт-Петербурге, Тобольске, Тюмени и дру-

гих городах России, а также в Казахстане), а главное – с проведением целенаправленных исследований в областях этнической истории, этноархеологии, этнической генеалогии, этносоциологии, этнохореологии, этнографического музееведения, охвативших десятки народов и национальных групп Сибири, отчасти Казахстана, Европейской России, а также Западной и Восточной Азии.

Относительно других этнографических научных центров Сибири такая работа только начинается или предполагается. В 2000–2003 гг. собирались материалы в архивах, научных учреждениях и библиотеках Владивостока, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Тобольска и Томска, но фактически эти сборы пока не завершены. Поэтому и проблему периодизации истории этих научных центров пока не представляется возможным решить окончательно.

В качестве примера приведем наши предварительные соображения о периодизации этнографических работ, проведенных новосибирскими исследователями.

Город Новосибирск возник относительно недавно и в 1903–1925 гг. имел имя Новониколаевск. Первоначальный период этнографических работ его ученых, краеведов, музейных работников как раз и приходится на это время. Это был период единичных исследований отдельных личностей, сбора частных коллекций этнографических предметов. Некоторая организованность в этой сфере проявилась в рамках деятельности основанного в 1920 г. местного краеведческого музея. В 1920–1924 гг. этнографические экспедиции музея работали на Алтае, Енисейском Севере, в Кольванском у. Новониколаевской губ.

Второй период этнографических работ новосибирцев приходится на 1925 г. – начало 1930-х годов и совпадает с деятельностью Общества по изучению производительных сил в Сибири, ставшего в это время центральной научной организацией для всей Сибири. Местный музей перешел в 1926 г. в ведение общества и стал называться Музеем производительных сил Сибирского края. Для данного периода характерна значительная работа в области этнографического изучения края. Многочисленные этнографические экспедиции проводились на Западно-Сибирской равнине, Алтае, в Карагассии, Хакасии и Якутии. Отдельные результаты научных исследований публиковались в виде очерков, статей, заметок, рецензий в изданиях научных учреждений и в журналах, чаще всего в журнале “Сибирские огни”.

Третий период охватывает время с начала 1930-х годов и далее до начала 1960-х годов характеризуется этнографическими работами в основном работников музея, который после ликвидации Общества по изучению производительных сил Сибири стал называться Западно-Сибирским краевым музеем и с 1937 г. – Новосибирским областным краеведческим музеем. Поэтому этот период с определенной долей условности можно назвать периодом музейной этнографии.

Четвертый период, по нашему мнению, приходится на 1961 г. – начало 1980-х годов. Начало его определяется тем, что в 1961 г. в Сибирское отделение АН СССР перешел на работу А.П. Окладников, где занял пост заместителя директора Института экономики и заведующего Отделом гуманитарных исследований с его историко-филологическими подразделениями. А в 1966 г. он возглавил созданный на базе отдела Институт истории, филологии и философии СО РАН СССР. Был создан Музей истории и культуры народов Сибири, который возглавил А.П. Деревянко; совершались многочисленные экспедиции к народам всей Сибири, включая отечественный Дальний Восток.

Пятый период начинается примерно с середины 1980-х годов и продолжается по настоящее время. В исследованиях этнографии в Новосибирске в этот период произошли кардинальные перемены, связанные прежде всего с тем, что благодаря целенаправленной научной политике директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а с 1990-х годов генерального директора Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН акад. А.П. Деревянко здесь был создан постоянный коллектив этнографов в секторе этнографии, которым все эти годы руководит И.Н. Гемуев. Сегодня этот коллектив находится в составе Института археологии и этнографии СО РАН и способен решать крупные научные пробле-

мы, что дает возможность говорить о новосибирской этнографической школе. В подготовке научных кадров этнографов здесь принимают участие ведущие ученые – академики РАН А.П. Деревянко, В.И. Молодин, доктора наук Н.А. Алексеев, И.Н. Гемуев и др.

В целом в Новосибирске в сфере этнографии в эти годы работали, а большинство из них и сегодня заняты этнографическими исследованиями многие ученые, и среди них Н.А. Алексеев, А.А. Бадмаев, А.В. Бауло, Ф.Ф. Болонев, И.Н. Гемуев, О.В. Голубкова, Е.И. Деревянко, В.А. Зверев, Д.Г. Коровушкин, Г.В. Любимова, А.А. Люцидарская, А.И. Мазин, А.Ю. Майничева, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко, И.В. Октябрьская, Л.М. Русакова, А.М. Сагалаев, Е.Ф. Фурсова, О.Н. Шелегина и др. Учитывая то, что в Новосибирске многие годы работает большой коллектив этносоциологов в Институте философии и права СО РАН (многие годы им руководил чл.-кор. РАН В.И. Бойко, а сегодня руководит Ю.В. Попков), а также коллективы фольклористов в Институте филологии СО РАН, в Новосибирском государственном педагогическом университете и некоторых других вузах (как известно, фольклористы занимаются изучением и этнографических сюжетов) и этномузыковедов, в основном в Новосибирской государственной консерватории, то с полным основанием можно сказать, что сегодня Новосибирск – это крупный этнографический научный центр России и крупнейший центр этого направления в Сибири.

Естественно, что обоснование данной периодизации этнографического сибиреведения в Новосибирске, ее границ, объектно-предметных областей исследований, основных характеристик, проблематики должно быть углублено, что и намерен делать автор данной публикации в ближайшем будущем. Нужны монографические исследования этнографических научных центров России, что дает возможность иметь научно обоснованную периодизацию всей отечественной этнографии. Такого рода историографические и методологические исследования представляются необходимыми и даже, видимо, срочными для каждой гуманитарной науки в связи с возникшим и развивающимся в этих науках методологическим плюрализмом.

Примечания

¹ См., напр.: *Томилов Н.А.* Музееведение (музеология): определение как научной дисциплины // Культурологические исследования в Сибири. 2001. № 2. С. 130–134; *Он же.* Некоторые гуманитарные науки и их объектно-предметные сферы // Культурологические исследования в Сибири. 2002. № 2. С. 40–44; *Он же.* О методологии гуманитарных наук // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 2002. С. 18–24; *Он же.* Этническая экология: культуроведческий подход // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 188–191; *Он же.* Этническая экология: некоторые методологические проблемы // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 324–329; *Он же.* Этнография как научное направление // Этнограф. обозрение. 1999. № 6. С. 75–84 и др.

² Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 21.

³ Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 1555.

⁴ Этнография и смежные дисциплины... С. 95.

⁵ Там же. С. 92–94.

⁶ См. об этом: *Томилов Н.А.* Итоги и перспективы этнографического изучения народов Сибири и Дальнего Востока // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2000. № 2. С. 37–47; *Он же.* Российское этнографическое сибиреведение XX века (к постановке проблемы) // ЭО. 2001. № 3. С. 92–101; *Он же.* Этнографические центры Сибири: проблема преемственности интеграционных процессов // История на пути к открытому обществу. Омск, 2002. С. 152–157 и др.

N.A. T o m i l o v. Towards Methodology of Some Subsidiary and Contiguous Historical Disciplines

The paper is based on the plenary report, made at the Vth Congress of ethnographers and anthropologists of Russia. The author comments on some methodological and theoretical problems, associated with several newly developed lecture courses in humanities read for the students of the department of history at the Omsk State University.